

Хочется пастырей видеть героями

Интервью с поэтессой Ниной Карташевой

3 марта в гости к студентам Академии приехала поэтесса Нина Карташева. Что-то не вполне обычное и отчасти загадочное было и в облике самой гостьи, одетой в бордовое бархатное платье, и в той атмосфере доверительного общения, в которой проходила встреча. Студенты, гораздо уютнее чувствующие себя на официальных мероприятиях, поначалу даже не знали, как реагировать на такую манеру творческого общения. Но контакт был быстро установлен, и в течение более, чем двух часов, и студенты, и преподаватели с неослабным вниманием слушали стихи, которые поразили многих и заставили как бы со стороны взглянуть на себя и по-иному увидеть тот мир, в котором мы живем.

Мы все были немало удивлены тем, что поэтесса начала печататься сравнительно недавно — всего семь лет назад, когда ей было уже за тридцать. Как-то невольно в голове возник образ древне-русского Ильи Муромца, который до 33 лет лежал на печи, а потом встал и начал сражаться за свой народ и свою веру. Многим может показаться, что Нина Карташева занялась не своим делом, начав ревностно призывать народ к покаянию и обличать лицемерие, ложь и порок. Но после чтения ее стихов остается впечатление, что все это она делает, следуя не своей только воле, а как бы даже против своего желания, руководствуясь неким Высшим законом и имея при этом только одно серьезное побуждение: успеть сказать людям правду.

Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу...

Вот, та чисто женская натура, которая часто проявляется в ее стихах и которой она не скрывает. Но вдруг происходит внезапное преображение, и перед нами предстает уже не немощная женщина, но величественная жена, вдохновляющая и благословляющая лучших мужей Отечества на битву с врагами:

Как испокон я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружие.

И даже в том, что жребий поэта-пророка достался сегодня не славному мужу, а слабой женщине, можно увидеть образ ослабленной, обессиленной России, для которой единственное спасение — Божия сила, совершающаяся в немощи.

И еще хотелось бы сказать о том, что поэзия Нины Карташевой не только сильна, но и по-своему уникальна. В ней сочетается глубокое чувство слова и неповторимость образов, присущие лучшим русским поэтам, а главное, в ее стихах всегда чувствуется и проявляется духовная основа, которая не позволяет поэтическому вдохновению ниспадать до приземленности.

Парадоксально, но факт — в России, исконно православной стране, где литература корнями своими уходит в духовную почву, до сих пор не было ни одного до конца православного поэта. Конечно, многие поэты видели перед собой духовные ориентиры, некоторые даже оставили нам шедевры духовной поэзии, но надо признать, что поэта, все творчество которого было бы полностью подчинено идее устремленности к Богу, у нас нет.

Но мы не будем здесь пока что заявлять, что такой поэт у нас уже появился. Более опытный критик будет готов, наверное, поставить перед Ниной Карташевой целый ряд вопросов и даже предъявить множество претензий. Но все-таки нельзя не отметить того отрадного факта, что у нас появился поэт, который воспринимает свой поэтический дар не как абсолютную ценность, а как талант который он должен приумножить и возвратить Богу.

Остается сказать, что творческий вечер закончился под несмолкаемый шум аплодисментов, а присутствующий в зале архимандрит Венедикт, замещающий сейчас инспектора Академии, завершил встречу на высокой патетической ноте, обратив к поэтессе слова, сказанные некогда одним юношей для выражения чувства восхищения своей возлюбленной: "Она, как небо!"

Ниже мы публикуем интервью с Ниной Карташевой и небольшую подборку ее стихов, в которых наиболее ярко проявляются духовные мотивы ее творчества.

Дмитрий Моисеев: К сожалению, наша аудитория — студенты Семиварии и Академии — не очень хорошо знакомы с современными писателями и поэтами. Поэтому не могли бы Вы сначала сказать несколько слов о себе, вкратце охарактеризовать свое жизненное кредо?

Лина Карташева: Печататься я начала очень поздно. Пишу стихи всю жизнь — с шести лет, и действительно:

Моя поэзия — судьба, а не профессия,
Моя религия — Христос, — не чужebesие,
Мое отечество — Святая Русь Державная,
Все остальное — для меня не главное.

Вот эпитафия ко всей моей жизни и творчеству. Родилась я на Северном Урале в семье моих бабушек. Одна бабушка была дворянского рода, она из Харбина вернулась в начале 30-х с первыми репатриантами, попала в заключение, а потом на поселение в Верхотурье, а другая бабушка — крестьянка, раскулаченная. Та бабушка, которая дворянка, приняла постриг в миру. А город Верхотурье — один из старейших сибирских городов. Вы, наверное, слышали — есть такой святой, Симеон Верхотурский. А я родилась как раз в день Симеона Верхотурского — 31 декабря. Но, правда, уже тогда поселка спецпереселенцев не было — его называли просто поселок лесозавода "Пролетарий", но город очень старинный, там есть Свято-Николаевский монастырь — он сейчас действующий, а тогда в нем была детская трудовая колония. Я тогда училась в музыкальной школе — это Троицкий собор был...

Д.М.: Я слышал, это самый большой собор на всю Сибирь?

Н.К.: Да, на всю Сибирь. Великая княгиня Елизавета Федоровна приходила туда молиться.

Я уже не помню, чтобы мы бедствовали — был папа, мамочка работала. Но когда мама умерла (мне шесть лет было), я попала на попечение к бабушке — к той, которая монахиня в миру, и несмотря на советское безбожное время, я не могу сказать, чтобы меня травили. — Нет. Как-то считали, что папа у девочки женился, она сиротка, мама умерла, а бабушка — пережиток прошлого. И потому я не была ни в пионерах, ни в комсомоле — слава Богу. Но тем не менее, бабушка меня в церкви прятала, на клирос всегда ставила, чтобы меня никто не увидел, и не сказали бы, что девочка такая большая, а ходит в церковь.

Бабушка дала мне музыкальное образование и просила, чтобы я замуж не выходила. Она говорила — ты будешь петь в церкви где-нибудь, ты будешь в миру жить.

Д.М.: Она хотела, чтобы Вы впоследствии поплы по ее стопам?

Н.К.: Да, она этого хотела. Может быть, у бабушки был такой грех — она была озлоблена на Советскую власть, это не озлобление даже — обида была. Ну, естественно — потерять все, очутиться где-то... И она говорила, что мир такой жестокий и что сейчас нет таких мужчин верующих. И действительно, я вышла замуж в 18 лет за мальчика некрещеного. Он старше меня на много, из хорошей семьи. Папа у них офицер, мама — из Харбина тоже. Но он все-таки, я считаю, совершил поступок — ведь он был секретарь комсомольской организации, член партии (мой будущий муж); но потом крестился, и мы обвенчались. Бабушка его любила все-таки.

Д.М.: Простите за нескромный вопрос, у Вас сейчас фамилия мужа?

Н.К.: Да, мужа. У меня девичья фамилия Оболенская — красивая фамилия. Я хотела ее оставить в литературе, но как-то мне сказали, что это нехорошо, что нужно с открытым забралом идти.

Д.М.: Теперь вопрос к Вам как к поэтессе. По общему признанию, нынешнее время — это период упадка русской культуры, образования, искусства — в целом всего. Как бы Вы в связи с этим могли охарактеризовать состояние русской поэзии? Какие проблемы и темы являются для нее определяющими?

Н.К.: Вы знаете, когда впервые была опубликована подборка моих стихотворений в журнале "Наш современник" — это был конец 80-х годов, тогда еще слово "Бог" писали с маленькой буквы. Но литература — это часть нашей культуры, а ведь вся культура вышла из культа. Это не я сказала, это сказали умные люди, мужчины — это я у о.Павла Флоренского читала. Но наш культ — он православный, правда? И культура — она блудная дочь в том смысле, что она возмечала грех. Так вот если мы теперь будем потихонечку возвращаться в лоно культа православного — так это хорошо. Меня пугает другое — сейчас стали как-то без благоговения и все упоминать Имя Божие. Я сейчас стала очень редко публиковаться. Не только потому, что меня не хотят публиковать, а потому, что я опасаюсь — что-то слишком уж все говорят о Боге. Я на Рождество очень много выступала в воскресных школах. Вы знаете, что меня пугает? — Бывшие пионервожатые, которые носили пионерские галстуки, — добросовестные, хорошие женщины, не спорю. Но теперь они вдруг так сразу перевернулись, стали верующими. Они одели платочки. И в этом есть какое-то ханжество, что-то фальшивое. Не дай Бог, если из детей сделают будущих Ракитиных. Помните, как у Достоевского? — Это же ужасно. Не дай Господи. Вера-то — вся в сердце, а дети — они так чувствительны. У меня своих деток

нет, Господь не дал — видимо, не было благословения бабушкиного, поэтому вот так случилось, но у меня очень много крестников, которых я очень люблю, и когда я прихожу с ними в храм — причащаюсь мы (особенно маленькие — до семи лет, до семи лет все дети — ангелы) — как они чувствуют благодать! И вот если этих детей, этих ангелов, вдруг заставляют читать “Отче наш” так, как прежде читали: “Бежит матрос, бежит солдат...” — это ужасно. Нам негде взять других учительниц — я понимаю. У батюшек на все времена не хватает, но, мне кажется, ведь не в количестве дело, а в качестве. Пусть лучше немножко, а эти — осолот других. Вот, мне думается так.

Мы сейчас слышим церковное пение,* мы видим на фресках ангелов поющих, они поют склоненно, смиренно, правда? А если мы возьмем итальянское искусство, то там поют диафрагмой — то есть полной грудью — и тогда уже не поклонись. Так и здесь, словом, во всем так. Нельзя гордиться. Нельзя что-то вбивать — ни народу, ни детям. Народ-то у нас хороший — вы посмотрите, ведь как в храмы-то идут!

Д.М.: Но, возвращаясь к литературе, как Вы считаете, есть ли у нас какой-то потенциал для ее возрождения именно на духовных началах?

Н.К.: Ну, я, конечно, Крушина назову. Я с ним общалась и вижу, что это человек верующий. Но многие исповедуют Бога только устами, у меня даже это есть в стихах:

Как же? Устами о Боге глаголете,
А помолиться Ему — не изволите...
Бедному, ближнему вы не поможете,
Душу за Родину вы не положите...

Вот это ужасно.

Д.М.: И в связи с этим еще один вопрос. Как Вы считаете, кого действительно можно назвать великим русским поэтом? — Я имею в виду не конкретного человека, а те качества, которыми должен обладать поэт, претендующий на роль национального гения? Поясню свою мысль. Недавно скончался поэт Иосиф Бродский. Я, может быть, ничего относительно него не имею против...

Н.К.: А я имею!... — Это человек чуждой культуры.

Д.М.: ...но все пишут: “Скончался великий русский поэт...” И все-таки, как Вы считаете, русский поэт это кто?

Н.К.: Ну, конечно, в первую очередь, я назову Пушкина. Хотя Пушкин юный и Пушкин “Бориса Годунова” — это же разные люди. Все-таки он закончил жизнь православным человеком, христианином, и в нем соблазн уже ушел. Если бы немного пожил он, правда? А Гавриил Державин? Ода “Бог” — это же Господь ему ее подал.

Д.М.: Но я имею в виду не конкретного человека, а те качества, которыми должен обладать русский поэт.

Н.К.: Конечно, православный! Конечно, прежде всего это человек, исповедующий не устами, а сердцем Бога. Я, сначала, себя укоряла, что не ушла в монашки, что бабушкино благословение нарушила, а потом подумала — ведь я же православная и в миру! Можно же оставаться такой же и в поэзии. Псалтирь это что? — Поэзия! Ведь правда? Была же преподобная Кассия, мы ее стихирю поем на Рождество. Поэтесса! — Так и здесь так же, если у нас в сердце Бог, если мы православные. А у нас все-таки в вере самое главное, я считаю, таинство и связанный с ним обряд. И я не могу теперь как-то доверять людям, которые не причащаются. Говорить сколько угодно можно. Это все равно, что рассуждать о хлебе — как он растет, из каких зернышек, а хлеб не вкушать — так мы засохнем и умрем, если у нас не будет пищи.

Д.М.: Еще один вопрос. Попытайтесь его правильно понять, потому что я, может быть, не очень правильно его сформулировал. Известно, что многие поэты сравнивали свое творчество с пророческим служением — в первую очередь Пушкин, Лермонтов. И многие склонны считать их действительно пророками, то есть не в аллегорическом, а в прямом смысле этого слова. В сознании многих национальные гении, поэты — и есть пророки, говорящие людям от лица Божия. В то же время мы знаем, что приобщение к благодати Божией вне Церкви невозможно. Как в связи с этим можно определить характер служения поэта людям?

Н.К.: Лермонтову же уже в 15 лет открылось:

Настанет год, России черный год,
Когда царя корона упадет...

А мальчик он был сложный, мальчик со страстями. Вот, кто ему это вложил? — Я не могу сказать. Вообще у него было духоведение и духовидение необыкновенное:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

А то, что, “спит земля в сияньи голубом” потом уже космонавты сказали, что он как будто поднялся туда и видел оттуда. Вообще, в творчестве есть какое-то таинство. Только я себя не считаю никакой пророчицей, ни великой... Знаете, все мои лучшие стихи написаны после причастия, а “грешные” — когда я в суету погружаюсь. У меня есть “грешные” стихи. В первой книжке я старалась их не давать, во второй как-то не удержалась, — думаю — все равно, пусть на чужих грехах учатся. Я грех не воспеваю, но где-то все-таки появляется что-то мутное. А самое чистое — после Причастия, и поэт сам не должен брать на себя ничего. Ну, какие мы пророки? — Как Господь благословит. Мы немощные сосуды, нечистые... Если Господь что-то и подает — это по нашему недостоинству. Может быть, если я что-то сказала удачно то, это по молитвам моей бабушки.

Д.М.: Но все-таки поэтический дар сродни пророческому служению?

Н.К.: Ну, конечно, сродни, потому что тайна творчества существует. Даже мне, грешной, было дано. Я двенадцатилетней девочкой написала стихи вроде бы ни о чем — я этого не пережила. Двенадцать лет прошло — они сбьлись полностью. Что это было — я не знаю. Некоторых стихов я сама не понимаю. Вот, например, говорят: Нина Карташева — это такая мужественная поэтесса, вот, она обличает кого-то... Да я не мужественная, я очень слабая женщина... Если я что-то говорю — так это от слабости. Когда больно — ведь поневоле кричишь. Так я, значит, визжу, наверно, больше всех, поэтому меня слышно...

Д.М.: Гоголь говорил о том, что истинным источником вдохновения для русского писателя должны служить Слово Божие, народное предание — в широком смысле, то есть язык, фольклор, и слово церковных пастырей. В связи с этим вопрос — в чем Вы имеете источник своего вдохновения?

Н.К.: У меня часто бывают и житейские, и творческие вопросы. Я стою за Литургией, жду, и вдруг батюшка на проповеди говорит то, о чем я бы хотела спросить, чтобы получить ответ. — Я получаю ответ. Он как бы духом только для меня и говорит. Понимаете? Вот такое бывает.

Д.М.: В этом Вы с Гоголем согласны?

Н.К.: Согласна — абсолютно согласна. Конечно. — Тем более если мы не собираемся воспевать грех. Мы часто приходим в церковь грешные, такие недостойные, но Господь как-то снисходит к нам, мы от Него получаем силу. А другие люди

* Беседа проходила в Церковно-Археологическом кабинете как раз в то время, когда за стеной, в малом актовом зале, проводилась спевка хора.

** Нина Карташева имеет здесь в виду сборники своих стихотворений “Чистый образ” (М., 1992) и “Имперские розы” (М., 1996) — прим. ред.

— они не идут в храм, и благодать им Господь не может дать, не дает, и они тогда от нас что-то тянут — в этом демонское есть что-то, страшное — я таких боюсь. И в творчестве это бывает тоже. Особенно прозаики злоупотребляют этим. У них какая-то бывает так называемая исповедальная проза, и всю эту грязь они выливают, выливают — это что-то ужасное! И в творчестве есть и Господня благодать, и магия какая-то.

Д.М.: ?

Н.К.: Да, конечно, конечно. Некоторых я не могу читать — у меня дух противится, а если буду читать — я поневоле вхожу в бесообщение. Я помню, мне очень хотелось почитать “Розу мира” Даниила Андреева. И мне говорят — Нина, это такая православная вещь, читай, читай, он хороший, он верующий... Я стала читать — у меня противится дух. Почему? — Не пойму. Батюшка потом сказал — закрыть и даже не нужно ее открывать, потому что я слабая, и поневоле вот в это бесообщение, видимо, я входила. Пусть я лучше меньше напишу — правда? Пусть я лучше вообще ничего не напишу, но бесов не надо!

Д.М.: Известно, что духовная поэзия — это не просто стихи, где говорится о Боге. Как бы Вы в связи с этим определили, что такое духовная поэзия?

Н.К.: Вот, сейчас все говорят: духовность, духовность! Вы понимаете, у православного человека, у него, по-моему, и стихи про любовь — они все равно православные, все равно там Дух Божий присутствует. Разные ситуации бывают в жизни, можно пасть, как Анна Каренина, помните? — Толстой воспекает это. А вот теперь я читаю этот роман совсем по-другому и думаю, а ведь Каренин-то хороший был! И все-таки можно же было ей устоять. Вот мои стихи — об этом, в них уже переживание православного сердца, потому что только Православие дает силы на борьбу со страстями, которые захватывают душу. Вот слушайте:

Я отвергла. Но не потому, что ты хуже.
Ты лучше. Не приходи до пределов печали.
Я отвергла не ради себя или мужа —
Крыльев нет золотых у меня за плечами.
Утешься и радуйся! Жгущее пламя угаснет,
Будет свет, что и светит, и греет, и лобит,
Будет совесть чиста, будет чувство — прекрасней,
Выше счастья Господь — и в тебе тоже будет,
Он напишет на сердце любовь и премудрость совета
Не тебя я отвергла — огонь. Ради света.

То есть, понимаете, и в миру все равно мы остаемся с Богом, а если с Богом — Бог не позволит пасть нам. А если мы падём, так Он нас поднимет.

Д.М.: Следующий вопрос вот какой: поэтический талант — это особый дар Божий человеку, но каждый поэт — это еще и член общества, сын своего народа. Как Вы относитесь к идее социального заказа поэзии? И в какой степени Валли убеждены как русского человека, как патриотки, влияют на Вашу поэзию?

Н.К.: Талант никого не может обслуживать. Если я люблю Родину, то это дано мне — понимаете? Как бабушка моя говорила: “Усадьбы сгорели, но почва осталась...” И она от комфорта приехала сюда в Россию и попала в заключение, и я, наверное, так же. Недавно я была в Петербурге, там родни у меня много. У меня так-то не осталось никого — ни папы, ни мамы, ни бабушки, а брат — намного старше, и вот уже племянники. И я гляжу на своих племянников — ничего хорошего они мне не сделали, я с ними часто ссорюсь, и вроде бы мы такие разные. Но я их люблю! Вот — это дано, так и любовь к Родине. И как можно писать по заказу? Мне наша знаменитая певица Татьяна Петрова сказала: напиши мне стихи — я буду петь. Но напиши, чтобы то-то и то-то было. Понимаете? — Я не написала — не могу. Дело в том, что я еще пишу стихи — может быть, я не настоящая поэтесса, не настоя-

щий вообще поэт — пишу стихи сразу, без черновика. Я не могу, как Пушкин, мне это не дано, я слишком маленькая и слабая. Но зато пишу — это вот как будто что-то свыше, у меня опять же об этом стихи есть:

Какой-то жаркий миг, подобный вдохновению.
Нет имени ему. Уже в небытии
Распахнут звездный мир по Божьему велению,
Желание и страх — переступить, войти.
Свет движится живой с сознанием и силой
И дисков золотых дрожит и тает звон.
Зов близится, растет, и кто-то легкокрылый
Сам подойдет ко мне и примет мой поклон.
Я подниму глаза — а он увидит: рано
Еще мой взор смущен, венцов нет на челе,
И разом я очнусь — и вдруг трава, поляна
И я иду домой по будничной земле.

То есть это один миг, его переживаешь — но это готовое стихотворение. Вот — оно получилось. А сейчас, что меня немножко пугает, — о Боге пишут все. Недавно я прочла в журнале “Держава”:

Христос по небу проходил
И всех благословил...
Христос по небу проходил
И ничего не говорил...

Простите? — И сел чай пить? Ну, можно ли так? — Это кошунство, это страшно. И у меня таких стихов-откровений мало. И они все были мне даны в страшные случаи жизни, и я даже не хочу их повторения.

Д.М.: Теперь к Вам вопрос не только как к поэтессе. Мы знаем, что Вы активный член многих патриотических движений, обществ...

Н.К.: Нет. Политика — не женского ума дело. Вот, правда — не женского ума дело, иначе бы я столько ошибок надела! Я не принадлежу ни к каким политическим объединениям. Но там, где русские люди — я всегда буду читать и выступать. Всегда! И там, где можно сказать слово за родину, за русский народ... Посмотрите — когда я росла, была Церковь гонимая, но гонителей я не так боюсь, как растлителей, то есть я не за себя боюсь, а боюсь за маленьких, за молодых, правильно? — Ведь это же страшнее! Страшнее растлители, чем гонители! Сейчас закон такой гадкий принимается “О репродуктивных правах граждан” — так завуалированно называется, он узаконивает разврат и всякую гадость! Ну, почему молчим-то мы? И женщин это не оскорбляет — молчат! “Женщины России” наоборот за него голосуют.

Некому сейчас за русский народ заступиться. Вспоминаю владыку Иоанна Петербургского. Какой он добрый был! Каждому человеку уделял время. Конечно, владыкам сейчас трудно. Но в каких-то случаях, по-моему, возвысится-то голос можно против этого разврата и растления.

Д.М.: И все-таки как Вы оцениваете состояние наших патриотических сил?

Н.К.: А без Бога не до порога — говорю я им. Тем более сплошные амбиции — они ни к чему не приведут. Бога, опять же, исповедуют не устами, а нужно ходить в церковь, причащаться.

Д.М.: То есть пока что эти движения не могут составить какую-то реальную силу?

Н.К.: У нас силы все разобщены. Столько партий, движений — каждый за себя, а объединиться не можем, а объединить нас может только Церковь, только Церковь и Православие. И только тогда уже можно говорить о монархе... Владыка Иоанн покойный говорил, что мистический круг Романовых замкнулся: Михаил — Михаил. Ипатьевский монастырь —

Ипатьевский дом. А из народа — может быть, нужно, чтобы старцы подготовили?

Д.М.: Вы считаете, что монархическая идея для России осталась в прошлом или существует как некая несбыточная мечта?

Н.К.: Нет, почему же? Ведь старцы же говорили, что будет царь самодержавный, помазанник Божий. Мы же не имеем права не верить старцам. Монархия — это же Божия власть: Царь на небе — царь на земле. А политики — ведь это же временщики все-таки, правда? Или будет наследный монарх, или кто-то на час? Ну, это все сложно опять же... Но в наше время я не вижу — не вижу, даже лидера не вижу. Людей-то много хороших, и все мы рады помогать, жизнь отдать рады, а объединительной идеи такой еще нет, и нет такого лидера...

Д.М.: Который бы имел такую благодать сплотить вокруг себя людей.

Н.К.: Именно благодать. А что еще может сплотить людей? — Коммунистическая партия?

Д.М.: К нам приезжает Геннадий Зюганов.

Н.К.: Ну, вот, хорошо, слава Богу. — А слово "коммунист" у бабушки было ругательным все-таки. И нельзя строить на песке-то, правда? А сейчас еще неоязычество появилось. Ко мне подходят тоже наши патриоты, такие чистые глаза, русские лица, и говорят: Нина! Да ты что? Какой-то Христос? — Он же еврей! Как ты можешь? — Вот так! Или я выступала в Екатеринбурге — бывшем Свердловске — и там один товарищ — именно товарищ, он тоже так чисто на меня смотрит и говорит: Я твои стихи слушаю — вроде ты девка умная, и стихи хорошие. А что ты все Бог да Бог? — Вот вам пример. Тоже хороший русский человек. Понимаете? То есть народ еще духовно слишком слаб, и поэтому сейчас священник — это герой нашего времени. Правда. Все на вас. Другого-то нет у нас ничего. — Только Церковь и священнослужители.

Мне очень много писем пишут читатели, и некоторые обижаются на священников... Архиепископ Иоанн Сан-Францисский сказал однажды, что русский народ трижды прополоскан в щелочных растворах атеизма. — Это действительно так. А вот душа-то осталась православной — как бы она ни была прополоскана, тянется человек, приходит в храм Божий. Как-то раз — я на радио выступала — мне там одна женщина говорит: да я больше никогда не пойду в ваши храмы! Потому что ваш священник прошел мимо — говорить со мной не захотел! Ему некогда было — сел в иномарку и уехал. А какой-то там адвентист с ней беседовал полтора часа. Ну, правда, батюшка, может быть, и не виноват, потому что нас много — он один. Поэтому, конечно, нужно создавать братства, сестричества — на приходах, чтобы опять-же оселять других духом Божиим.

Д.М.: И в заключение, хотя мы уже услышали в свой адрес от Вас теплые слова, не могли бы Вы что-то пожелать нашему журналу и в целом нашим студентам, нашим братьям?

Н.К.: Вы знаете, когда-то я сюда приезжала каждую неделю, когда мы с мужем были помоложе. И когда я подъезжала к Лавре — я вот как домой вернулась, как будто я где-то в отпуске была, где-то там ездила по заграницам, может быть... А вот сюда — как домой вернулась. Нужно, чтобы больше русских здесь училось. Может быть, инородцы тоже должны быть — пропорционально, но больше русских — вы наш генфонд. Ну, и, может быть, не бояться пастырю душу положить за овец своих, правда? — Потому что уж как-то очень осторожны священники, слишком осторожны. Ну, понятно — в советское время, а сейчас, мне кажется, мы живем уже на краю времен. Я не знаю, может быть, я ошибаюсь — не мне пророчествовать об этом. Но вы же видите — нивы побелели, как сказано в Евангелии, и мы видим — мир подкатывается на конец времен. И поэтому — ну, что беречь душу — не душу, а жизнь? Жизнь-то — вечная. Мы живем, чтобы вырастить душу здесь, а туда — уж какими придем — такими придем. И хочется, конечно, пастырей видеть героями.

Вдохновение

Не труд, а только наслажденье,
Любовь и нежность ко всему —
Вот что такое вдохновенье,
И все ответствует ему!

Смотри, вот желтый лист кленовый,
Как зарисованный огонь,
И запах осени садовый
Течет с него мне на ладонь.

Послушай, ветер в соснах дышит,
Коснись рукой вечерних трав —
Как будто гладкой гладью вышит
Их легкий шелковый рукав,

Все разделенно, все взаимно,
Все! Даже гнев или тоска,
Все просит плача или гимна,
Когда душа в нас высока.

Лишь середина, заурядность
Не знает в духе торжества,
Так безответна теплохладность.
Ни то, ни се. Без Божества.

Нездешний мир свой лик на миг покажет.
Сей мир во зле. И смертен от грехов.
Мы все живем, чтоб умереть однажды.
Земля — могила братская веков.
Стареют, умирают даже камни.
Бесчисленной песка наш род людской.
В забвенье все мы, как песчинки, канем,
Сама земля ждет участи такой.
Бессмысленность, бесчисленность рождений.
Зачем?! Ведь лучше грешный мир не стал,
Ведь мы не лучше прежних поколений,
Пожалуй, хуже. Век наш измельчал.
Перед бедой, перед нуждой и болью...
В чем смысл страданий? Замысел Творца?
Вопросы посыпают раны солью,
Чтоб с облегченьем ждали мы конца.
И если б не обещанная Вечность,
Где наше время числят не спеша —
Откуда б силы были ставить свечи,
Страдать, но жить, чтоб выросла душа?

Нет! Не могу отречься и предать
Вот этот мир, пусть тленный, но прекрасный,
Поверженный во зло и тем несчастный,
Но все-таки способный снова встать.
Дано любить улыбки и цветы,
Весенний гром, пречистый воздух зимний
Любовью самой чистой и взаимной!
Дано живое чувство красоты.
И если правит бал противобог —

Не здешний мир, а разум твой греховен,
И перед Богом ты за то виновен,
Что защитить прекрасное не смог.
Не удайся вне себя в себя —
Тот мир без этого тебя не примет.
Спаси его ценой добра, любя,
И освяти молитвами своими.
Не говори, что жизнь не стоит свеч,
Что человек и слаб, и обездолен.
Бесчестно красотою пренебречь
За то, что оскорбить ее позволил.

Побежденные

Чаша жизни исполнена желчью,
не медом и млеком,
И испита давно. И о чем мы рыдаем
и плачем?
Утомленные солнцем, унесенные ветром,
побежденные веком!
Слишком мало мы верим, поэтому мало
и значим.
И к кому этот вопль на краю
польхающей бездны?
Мы отвергли любовь, и Господь нас,
предавших, не знает.
Мы давно безнадежны
и столь же равно бесполезны.
Пустота в наших душах
заблудших зияет.
Не умеем любить.
Ненавидеть и то разучились.
Измельчали для подвига,
Духа дары растеряли.
Как мы смеем надеяться, злые,
на Божию милость?
Мы не Русью Святою,
мы даже Россией не стали.

Мы поминаем кроткого Царя
Под новым игом небывалым.
С Ипатьева монастыря
Ипатьевским предательским подвалом
Романовых замкнулся тайный круг,
И нет таких позорных страшных мук,
Каких бы Русь еще не испытала.
Романовых замкнулся тайный круг,
Но будет Царь по чину иерея,
Мы сомневаться права не имеем
В надежности благословивших рук.
За веру шли на смерть и в лагеря
Те, кто не принял начертанья Зверя,
Мы не имеем права на неверье —
Мы поминаем кроткого Царя.

Российской Церкви

Всеночной службой звездный хор гремел.
В одеждах снежных вся земля сияла.
В ладонях Ангел душу мне согрел,
Чтоб записать могла, чему внимала:

РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. Знаю скорбь твою.
Не отреклась и сохранила слово —

И дверь перед тобой не затворю,
Храни венцы от помысла худого.

Не бойся ныне все сказать врагу,
К тебе придут во время искушенья.
Тебя во славу Бога сберегу —
Ты совершила подвиг искушенья.

На место, где взорвали светлый храм,
Грядет с небес Храм Нерукотворенный.
Ты столп и утвержденье веры там —
Пребудь покорной, но не покоренной.

*Я тяжело говорю и косноязычен. Господь же сказал
Моисею: Я буду при устах твоих. (Исх. 4,10)*

В столпе неопалимого огня
Стою! Но лучше все слова сожгла бы —
Зачем, Господь, Ты требуешь меня,
Слабейшую из женщин самых слабых?

Зачем Ты посылаешь в этот мир
Меня с Твоим непринятым глаголом?
Тяжел мне Твой исполненный Потир,
Внимают нынче легким и веселым.

И как войду и как я им скажу,
Когда великих самых побивали?
И как я им Тебя в сердца вложу,
Когда они других богов избрали?

Безумной назовут и осмеют,
В чужих вероучениях задавят.
Ведь суд людской, увы, не Божий суд.
В нем правды нет, в нем страсти мира правят.

Но воля Божья — не моя на то.
Стою в столпе огня неопалимо.
У Бога не забыт из нас никто,
Любая жизнь у Господа любима.

И я, любя людей, провозвещу,
Как велено, как есть и как сумею:
Пусть вам не светит Бог, но всё же греет.
Бог есть! Убейте. Смейтесь. Я прощу.

Соборный колокол последний бой пробил!
Разоблачен народу мерзкий идол.
Святую Русь Господь так возлюбил —
И так же сатана возненавидел.

Тысячелетний стяг святых побед —
Родное небо с вещим Божьим взглядом.
Над Полем Куликовым нынче свет,
Над Полем Бородинским, Сталинградом!

Каких еще нам надобно чудес?
Каких великих мук не испытали?
Из пепла свято-русскими восстали:
Христос Воскрес! — Воистину Воскрес!